

Джин питал лютую ненависть к крысам, проникающим в Организацию ради сбора информации, и потому по праву считался её самым известным и безжалостным чистильщиком.

Но если обычных, осязаемых грызунов он вычислял и уничтожал без особого труда, то как быть, если в роли шпионов выступают невидимые твари вроде проклятых духов? Как ловить тех, кого ты даже не способен увидеть?

Конечно, сильнейшие маги современности — Годжо Хара и Годжо Сатору — были сродни ходячим ядерным боеголовкам. Связываться с ними у Организации не возникло бы и мысли. Джин и сам никогда не стремился навлечь на себя их гнев. В конце концов, если сидеть тише воды ниже травы и надёжно прятаться, даже эти монстры не станут крушить их базы без веской на то причины.

К тому же, не имея точных разведданных, даже ходячим ядерным бомбам было бы чертовски трудно отыскать все тайные убежища Организации.

Поэтому куда большее опасение у Джина вызывал Гэто Сугуру — человек, способный подчинять себе этих проклятых духов и управлять ими.

Если говорить о чистой силе, у Гэто не было абсолютной защиты, как у братьев Годжо, которых не брали даже мощнейшие взрывы. На первый взгляд, устранить его с помощью обычного огнестрельного оружия казалось задачей вполне выполнимой. Но способность повелевать проклятыми духами всё меняла. Стоило ему укрыться в тени и натравить своих невидимых слуг на базы Организации ради шпионажа или убийств — и они окажутся абсолютно бессильны.

Собственно, Джин опасался не столько самого Гэто Сугуру, сколько самой этой пугающей способности. Существуют ли другие маги, способные подчинять проклятых духов? Что, если враги Организации наставят невидимых шпионов, чтобы выведать координаты всех баз? Тогда их накроют одним махом.

Покинув Остров Русалок, Джин немедленно связался с Боссом и подробно изложил свои опасения.

Босс выразил глубокое одобрение. Главный киллер Организации, как всегда, зрил в самый корень и просчитывал ходы наперед.

Вскоре финансирование на подкуп проклятых магов было щедро увеличено. Из их рук Боссу наконец удалось выкупить особые очки-проклятое оружие, позволяющие обычным людям видеть проклятых духов.

Главной пропастью между магами и обывателями всегда оставалась эта черта: одни видят сокровище, другие — нет. Высокое положение магов в обществе обуславливалось лишь тем, что только они могли окончательно изгонять проклятых духов. Даже самое передовое человеческое оружие способно лишь ранить тварей, но не уничтожить их навсегда — для этого

требовалась проклятая энергия. Это делало магов незаменимыми.

Впрочем, существовала лазейка: обычный человек тоже мог изгнать проклятого духа, если держал в руках проклятое орудие, пропитанное чужой силой. Именно поэтому верхушка магов вела жесткий контроль над оборотом таких артефактов. Цены на них взлетали до небес, а уж проклятое орудие особого ранга ценилось на вес золота — без нужных связей к нему было не подступиться.

Магическое сообщество отличалось крайней кастовостью и закрытостью. Даже отступники презирали обычных людей и инстинктивно оберегали свой статус, не желая, чтобы профаны получали доступ к проклятым орудиям. Ведь начини обыватели справляться своими силами, кто станет платить магам за работу? Для тех же наёмников-отступников это означало бы лишиться золотой жилы. Так что и законопослушные маги, и находящиеся в розыске преступники хранили в этом вопросе молчаливое единодушие.

Не выложи Организация баснословную сумму за подкуп одного из магов-отступников, чтобы через него выйти на черный рынок, им бы ни за что не достались эти очки-проклятое оружие. Но даже при наличии безграничных средств достать их оказалось невероятно трудно — товар был штучным.

Изначально такие очки создавались лишь с одной целью — показать влиятельным чиновникам и спонсорам из обычного мира, как выглядят те самые проклятые духи, ради уничтожения которых из казны выделяются колоссальные бюджеты. В противном случае прагматичные политики никогда бы не поверили магам на слово.

Существовал и другой способ узреть невидимое — оказаться внутри Завесы. Однако разворачивать барьеры на собственных базах Организация не смела. Обыватели Завесу не замечали, но для опытных магов она вспыхивала во тьме ярчайшим маяком. Пойти на такое означало собственноручно сдать координаты врагам.

Единственным выходом оставалось скупать редкие очки-проклятое оружие повсюду, где только возможно.

Босс Организации всегда верил в силу науки. Он искренне полагал, что научный прогресс способен подарить ему бессмертие, и годами финансировал разработку омолаживающего препарата, ярким доказательством успеха которого служила Вермут. Поняв, что наладить массовые поставки очков-проклятого оружия не выйдет, он принял прагматичное решение и учредил Отдел исследований проклятий, поручив штатным ученым препарировать природу магической силы.

Люди Организации начали тайно отслеживать детей с пробуждающимся даром. Те, едва начав видеть монстров, неизбежно вели себя странно, навлекая на себя страх и неприятие окружающих. По этим характерным признакам ищейкам не составляло труда выходить на след юных магов.

Судьба таких сирот с паранормальными способностями обычно незавидна: они либо учатся искусно притворяться нормальными, либо выживают вопреки всему и попадают в мир магов, либо гибнут в зубах проклятых духов и от рук преступных магов. Теперь же у них появился четвертый, куда более мрачный путь — стать подопытными кроликами в лабораториях Организации. В конце концов, как можно исследовать магию без живого материала?

Разумеется, одними академическими знаниями сыт не будешь, поэтому Босс привлек к работе и завербованных проклятых магов. Некоторые вещи лежали далеко за пределами привычной физики.

Те отнеслись к опытам над детьми с полным равнодушием. Для преступного мира это было нормой — немало ценных проклятых орудий в среде магов испокон веков создавалось из останков одаренных людей. Среди примкнувших к Организации отступников не было праведников — исключительно прагматичные убийцы и садисты. Получив карт-бланш, они принялись беззастенчиво вымещать свои извращенные наклонности на рядовых исполнителях.

Опасаясь гнева верхушки, элиту с кодовыми именами они не трогали, но обычное «мясо» шло в расход без счета. С приходом магов смертность среди низшего звена Организации подскочила вдвое.

Впрочем, Босса это мало заботило. Рядовые бойцы изначально считались расходным материалом, чья ценность не шла ни в какое сравнение с возможностями магов, которых приходилось обхаживать и баловать миллионными контрактами. К тому же маги черпали силу из чистой злобы и боли. Психика у большинства из них и без того была изрядно расшатана, а те, кто послабее духом, давно превратились в законченных безумцев.

Когда Отдел исследований проклятий заработал в полную силу и склады пополнились первыми пленниками, наемники проявили рвение, превзошедшее энтузиазм ученых.

— У некоторых сопляков отличные врожденные техники, — скалились они. — Как наиграетесь, отдайте мне их трупы. Закажу у мастеров парочку хороших проклятых орудий.

Перспектива растить из сирот верных соратников их не прельщала. Зачем тратить годы на воспитание строптивого юнца, если послушное проклятое орудие в руке куда надежнее?

Босс вежливо отклонил это предложение, хоть оно и показалось ему заманчивым. Старик прекрасно понимал: созданное оружие осядет в карманах наемников, а не у него. Рациональнее было использовать детей для тестов, а самых одаренных подвергнуть жесткой промывке мозгов с малых лет. Только так Организация могла взрастить преданную лично ему гвардию.

Пришлым наемникам веры не было.

Пока Босс лелеял мечты о том, что Отдел исследований проклятий наконец преподнесет ему

ключ к долголетию, незаметно пролетел год.

— Та-да-дам! — Сатору победоносно потряс перед носами Хары, Сугуру и Сёко новенькой лицензией. — Я сдал экзамен! С этого года я официально преподаю у первого курса в Токийском магическом колледже! И не просто преподаю, а буду их классным руководителем!

Он самодовольно покачивался из стороны в сторону, буквально сияя от гордости.

Хара, который с самого начала знал о затее младшего брата, мягко улыбнулся и послушно захлопал в ладоши.

— Братик, ты у меня просто умница. У тебя всегда всё получается на отлично. Стоит тебе только захотеть — и весь мир у твоих ног.

Какая-то светская лицензия учителя... Для гениального Сатору это действительно было детской забавой. Единственной загвоздкой оставался его невыносимый эгоцентризм. Сатору органически не переносил рамки и вряд ли стал бы утруждать себя зазубриванием шаблонных ответов. Поэтому Сугуру и Сёко до последнего были уверены, что тот с треском провалится — просто из принципа не пожелав следовать скучным правилам.

Но реальность превзошла все ожидания. Сатору умудрился наступить на горло собственной песне и прилежно прошел всю бюрократическую процедуру от начала до конца. Оба друга пребывали в глубоком шоке.

Сугуру сощурил и без того узкие глаза, так что они превратились в едва заметные щелочки.

— Поверить не могу, что ты действительно довел дело до конца. Но к чему такие трудности? Магическому колледжу ведь плевать на государственные лицензии обычных людей.

Сатору, само собой, прекрасно это знал. Колледж стоял особняком от обычного министерства образования, строгих регламентов там не существовало, а уж с его-то влиянием устроиться туда по блату было минутным делом.

«Да и вообще, я сильнейший маг современности! Моё согласие обучать детей — величайшая честь для этого заведения. Кто посмеет закрыть перед моими глазами дверь?» — самодовольно размышлял он.

Но раз уж он вознамерился стать самым крутым учителем в истории, то обязан был сделать всё красиво.

— Крутой учитель не может работать без документов! — авторитетно заявил Сатору. — Я буду гораздо профессиональнее, чем директор Яга! У него-то этой корочки точно нет!

Сугуру лишь скептически фыркнул. Учитывая невыносимый характер Сатору, представить его бережно опекающим первокурсников было решительно невозможно. Скорее уж он заездит бедняг до полусмерти ради собственного развлечения.

Заметив это недоверие, Сатору бесцеремонно сгреб Сугуру за шею и сунул заветный бланк ему прямо под нос — так близко, что у бедного Гэто глаза скосились к переносице.

— Да усохни ты! — Сугуру раздраженно хлопнул друга по руке, отстраняясь.

Сатору ловко уклонился, бережно прижимая к груди плод своих трудов.

— Ты просто завидуешь, Сугуру! Завидуешь, что скоро у меня будет целая орава обожающих меня учеников, пока ты чахнешь в Главном совете магов, постепенно превращаясь в дряхлого гнилого мандарина!

— Я не гнилой мандарин, — помрачнел Гэто.

— Эх, Сугуру, ты бы в зеркало на себя глянул, — притворно вздохнул Сатору. — У тебя уже такие носогубные складки наметились, вылитый старый скукоженный цитрус. Мы с тобой рядом стоим — будто из разных поколений.

А ведь Сугуру вообще-то был на пару месяцев моложе его.

Сугуру промолчал, уязвленный до глубины души. Неужели постоянные переработки действительно так его состарили? Но марку держать надо было:

— Это называется зрелостью и солидностью. Не всем же оставаться инфантильными дурачками, как ты.

— Да щас! — возмутился Сатору. — У меня просто вечная юность! Зрелость тут вообще ни при чем!

С этими словами он прижался щекой к Харе. Две абсолютно одинаковые, безупречные и не подвластные времени физиономии застыли бок о бок. Настоящий двойной удар по самолюбию окружающих.

— Взгляни на нас с братиком. Это дар божий, Сугуру. Можешь кусать локти, тебе такого не светит.

И Сугуру действительно завидовал. К беззаботному Сатору вопросов не возникало — после выпуска тот жил столь же вольготно, как и в школьные годы. Веселый, безответственный, не принимающий ничего близко к сердцу, он выглядел точь-в-точь как в их первую встречу в коридорах колледжа.

Но Хара... Его график был забит покруче, чем у самого Гэто. Если Сугуру разрывался лишь между обязанностями в Главном совете магов и тайной вербовкой союзников из числа простых магов для грядущего переворота, то Харе приходилось тащить на себе дела клана Годжо, управление огромным концерном, да еще и постоянно возиться с капризным младшим братом.

Сугуру помнил, сколько раз ему самому приходилось вежливо отказывать Сатору из-за навалившейся рутины. Хара же, насколько было известно, не отверг ни единой просьбы брата. И при этом умудрялся содержать дела в идеальном порядке. Гэто порой всерьез подозревал, что в сутках старшего Годжо содержится гораздо больше двадцати четырех часов. Иначе как объяснить эту поразительную продуктивность?

И ведь при таких адских нагрузках Хара ухитрялся выглядеть столь же свежо и молодо, как и Сатору. От жгучей зависти у Гэто едва глаза не покраснели.

Поймав этот выразительный, полный тихой тоски взгляд, Хара лишь мягко улыбнулся, решив пощадить самолюбие друга и не сыпать ему соль на рану.

Сёко, неторопливо потягивавшая пиво в сторонке, меланхолично заметила:

— Сатору, спешу огорчить. В этом году на первый курс никто не поступил. Так что твое классное руководство — пустой звук, ты у нас генерал без армии.

Сатору застыл, точно пораженный громом.

— Что?! Ни одного первокурсника? Да как Яга вообще школой руководит?!

Он-то уже распланировал грандиозный розыгрыш для новобранцев в первый же учебный день! А теперь выясняется, что ему придется вещать перед пустыми партами? Изображать пантомиму? На квалификационных тестах для учителей такое практиковалось, но в реальности заниматься подобным бредом он точно не подписывался.

Глядя на поникшего, точно промокший под дождем котенок, брата, Хара ласково потрепал его по макушке.

— Не расстраивайся так, Сатору. До начала семестра еще есть время. Возможно, кто-нибудь еще успеет подать документы.

Сатору уныло вздохнул, понимая, что брат просто пытается его приободрить. Ну кто в здравом

уме станет сам заявляться в Магический колледж? Каждый год преподавателям и директору приходилось лично колесить по стране и выискивать одаренных детей. Неужели теперь эта почетная обязанность ляжет на его плечи?

Впрочем, уныние быстро сменилось привычным азартом.

— Что ж, значит, великий наставник Сатору лично отправится на охоту за талантами! Подумаешь, найти парочку затерявшихся в глуши самородков. С моими Шестью Глазами это раз плюнуть!

Видя, как загорелись глаза брата, Хара смолчал о том, что изначально планировал просто перевести нескольких подходящих по возрасту ребят из клана Годжо в Токио.

Однако в голове старшего брата уже зрел куда более масштабный план. Раз уж Сатору так хочется примерить на себя роль учителя, ограничиваться парой родственников было бы несолидно. Пожалуй, стоило провести профилактические беседы с главами других знатных семейств.

За прошедшие годы Хара прочно утвердился на посту негласного лидера кланового дворянства. Даже Клан Дзэньин и Камо беспрекословно признавали его авторитет всякий раз, когда дело доходило до дележа власти с Главным советом магов. Стоит ему намекнуть, что брату нужны ученики, и обе семьи без лишних пискосов пришлют своих отпрысков в Токио.

Сегодня вес Хары в магическом мире был абсолютным. Его слово являлось законом. А то, что на публике лидер «безродных» магов Гэто Сугуру регулярно вступал с ним в яростные дебаты, было лишь тонко разыгранным спектаклем для отвода глаз. За закрытыми дверями они оставались близкими друзьями.

Большинство нейтральных старцев из Главного совета магов давно находились под его полным контролем. Весь этот политический балаган — вечную грызню кланов со сторонниками Сугуру и нерешительное мямленье центристов — срежиссировал лично Хара.

Абсолютная узурпация власти неизбежно привлекла бы к нему слишком много ненужного внимания. Рано или поздно уязвленное самолюбие завистников толкнуло бы их на заговоры. Хара не боялся открытого противостояния — любые козни он умел пресекать на корню.

Но он смертельно боялся за Сатору. Младший брат был его единственной уязвимостью. Не сумев подобраться к самому Харе, недоброжелатели непременно попытались бы ударить по Сатору.

И пусть Хара прекрасно понимал, что любые интриги против Сатору — не более чем комариные укусы, инстинкт защитника не позволял ему допустить даже малейшей угрозы в адрес брата. Лучший способ обезопасить Сатору — задушить любые заговоры в зародыше. Именно поэтому Хара предпочитал оставаться в тени, негласно управляя всем Миром магов.

Сугуру долго ломал голову над тем, откуда у вечно занятого Хара находится время на частые прогулки с Сатору. Ответ лежал на поверхности: Хара не просто мастерски планировал день, он выстроил колоссальную теневую империю с безупречной иерархией. Вся рутина делегировалась доверенным исполнителям, а сам он вмешивался лишь в ключевые моменты. Умение выжимать максимум из каждого подчиненного — вот секрет его свободы.

Стоило дружеским посиделкам завершиться, как Сатору, загоревшись идеей, тут же потащил Хару на поиски диких талантов.

— Вперед, вперед! Наберем целую толпу, пусть Яга умоется слезами зависти от моих успехов!
— громогласно вещал он.

Впрочем, учитывая, что сейчас в колледже училось от силы полтора человека, а первый курс пустовал вовсе, для триумфа Сатору хватило бы и двух-трех новичков.

Но реальность оказалась суровее. Обладатели Шести Глаз прочесали едва ли не весь Токио вдоль и поперек, однако не обнаружили ни одного подходящего ребенка.

— Ну неужели одаренных детей действительно так мало? — уныло протянул Сатору, без сил растекшись по диванчику в кондитерской.

— Тех, у кого проклятая энергия на донышке и нет врожденных техник, ты сам забраковал, — мягко напомнил Хара.

На самом деле колледж брал не только гениев. Многие ученики обладали лишь базовой способностью видеть проклятых духов, не имея при этом боевого потенциала. После выпуска они обычно шли работать в «Окно» или становились вспомогательными управляющими. Кадров на этих должностях всегда не хватало.

Однако Сатору наотрез отказывался ломать судьбы неспособным ребятам.

— Они слишком слабы. В мире магов такиедохнут как мухи. Пусть лучше живут обычной человеческой жизнью, — лениво бросил он, со стороны напоминая высокомерного сноба, презирающего бесталанных профанов.

Но Хара прекрасно понимал: за этим напускным безразличием скрывалось глубокое сострадание. Сатору оберегал их.

Те немногие дети со слабой искрой силы, которых они встретили, уже научились сдерживать себя, не смотреть на тварей и успешно мимикрировали под обывателей. Обнаружив действительно могущественный дар, братья непременно привели бы ребенка в колледж — там бы его научили защищаться. Но со слабыми дело обстояло иначе. Их потенциал не дотягивал даже до минимальной планки. Тащить их в мир магов означало обречь на верную гибель.

Да, несчастный случай мог произойти и в обычном мире, но там вероятность наткнуться на сильного духа ничтожно мала по сравнению с ежедневной смертельной опасностью, подстерегающей магов на миссиях. Они уже приспособились, научились не выдавать себя перед родителями и сверстниками. Зачем вырывать их из привычной среды и вновь превращать в изгоев, видящих кошмары наяву?

Хара неторопливо сделал глоток кофе. Вновь прокрутив в голове недавние встречи, он задумчиво произнес:

— Сатору, тебе не показалось странным одно совпадение? Все дети, которых мы отыскиали, на редкость искусно скрывают свой дар. Никто из близких даже не догадывается, что они видят проклятых духов.

Это действительно выглядело аномально. Обычно ребенок, внезапно обретший зрение, не понимает правил игры. Он задерживает взгляд на проклятых духах, привлекает их внимание и в ужасе спасается бегством. Из-за этого дети часто начинают драться с пустотой или дико кричать посреди улицы. В глазах не видящих угрозы обывателей такое поведение кажется безумием. Ребенка быстро клеймят сумасшедшим и начинают сторониться, и это клеймо часто остается с ним на всю жизнь.

Но найденные ими сироты словно миновали этот сложный этап адаптации. Они с самого начала вели себя безукоризненно тихо, не вызывая подозрений даже у любящих родителей.

Встречься им пара таких уникалов на десяток — Хара списал бы всё на простую случайность. Но они проверили лишь двоих, и оба оказались мастерами маскировки. Стопроцентное совпадение. Слишком идеальная статистика.

В душе Хары зашевелились нехорошие подозрения.

<http://bllate.org/book/19549/2004361>